

Глава 88. Интерлюдия: В пути

Когда машина, сдавая назад по газону, пыталась развернуться и вернуться на дорогу, из багажника донёсся глухой удар, будто внутри сдвинулось что-то тяжёлое.

Ли Вэй, неподвижно сидевший на пассажирском сиденье, вздрогнул от этого звука, обернулся и спросил:

— Что у тебя там сзади?

— Труп.

Дрейтон, не сводя глаз с дороги, ответил ровным голосом.

Ли Вэй снова и снова оглядывался назад, потом начал всматриваться в его лицо:

— Труп?? Чей труп?

— Киллера, — коротко сказал Дрейтон. — Пока тебя не было, я сделал несколько звонков, велел людям приехать и прибрать последствия. На всё ушло меньше получаса. Но стоило мне обернуться, как оказалось, что ты исчез. Люди Самира аль-Мактума сказали, что ты уехал на белом верблюде на северо-восток. Я подумал, что вы, возможно, направились проверить золотую тайную комнату, которую оставил Самир. Передал Тоба своему помощнику, чтобы тот за ним присмотрел, одолжил у местных машину и, когда подъехал к саду у храма-церкви, услышал, как настоятель, муфтий и несколько добровольцев в голос кричат, что кто-то умер. Я тогда чуть не решил, что это был ты.

Ли Вэй: «...»

В нескольких коротких фразах оказалось слишком много информации.

Дрейтон не стал говорить о том, в каком хаосе, шоке и невыразимом состоянии он тогда был, и продолжил:

— Подойдя ближе, я увидел, что погибший — профессиональный киллер из Азии. Сначала я подумал, что, возможно, это просто случайный псих, у которого внезапно поехала крыша. Но куда вероятнее, что его прислал Мицуи Такаси, стоящий за Хань Цзэ, чтобы напасть на тебя.

— Этот киллер, должно быть, уже давно сидел у тебя на хвосте и выжидал, но всё не мог найти подходящий момент для выстрела, потому что проклятие на тебе серьёзно искажало его восприятие. И только когда Белый верблюд снял с тебя проклятие, он наконец пришёл в себя, вспомнил о своей работе и в спешке выстрелил.

— Рядом с его телом остались гильзы. Кто-то убил его одной пулей сразу после того, как он раскрыл своё местоположение. Это был ты?

Ли Вэй покачал головой, и настроение у него снова стало тяжёлым:

— Нет.

Дрейтон бросил на него взгляд и сказал:

— Я так и думал, что нет. Судя по углу и моменту выстрела, тот человек действовал решительно, хладнокровно и вовсе не ценил человеческую жизнь. Для него убить — всё равно

что подстрелить оленя на охоте. Я опасался, что он не собирается останавливаться, поэтому постарался разогнать зевак, перенёс тело киллера в багажник и с тех пор всё это время беспокоился о твоей безопасности.

— Теперь ты уже можешь объяснить, почему ушёл, ничего не сказав, и что произошло в храме?

Ли Вэй теребил край сиденья и не отвечал сразу.

Дрейтон его не торопил. Он вёл машину всё дальше на восток. Вскоре они покинули город и постепенно приблизились к пустынному участку побережья Персидского залива. Вокруг стояла пустошь, песок летел в воздухе, море сливалось с песчаным простором, а здания вдали мерцали, как миражи.

Чем дальше тянулась дорога, тем сильнее нарастала тревога у Ли Вэя. Он с трудом попытался прикрыться шуткой:

— Мы уже скоро, кажется, в другую страну заедем. По пути ещё и кладбище было. Ты что, собираешься здесь избавиться от трупа, а заодно и меня закопать?

Дрейтон спокойно ответил:

— По федеральному военному праву ты этого не заслужил. Но если исходить из моих личных чувств, мне и правда хочется с тобой кое-что сделать.

— ?

— Из уважения к правам человека можешь заранее подготовиться морально, господин Ли Вэй.

— Э... а??

Он серьёзно?

Ли Вэй никак не ожидал такого ответа. Из горла у него вырвались два растерянных, невнятных звука. Он настороженно вцепился в ручку двери.

Следующие несколько минут он уже не мог думать ни о чём, связанном с Райнером Ливиусом. Все клетки его мозга ушли на то, чтобы просчитать, что Дрейтон собирается делать дальше. Потому что с виду тот был человеком, который действует строго по правилам, но на деле его поступки часто оказывались совершенно непредсказуемыми... Молчание в салоне тоже качало его сердце из стороны в сторону. Какое-то время Ли Вэй, глядя на песок и камни за окном, всерьёз думал о том, не выпрыгнуть ли из машины к чёрту.

Но в конце концов он всё-таки остался сидеть на месте.

— Приехали.

Дрейтон остановил машину у деревянного настила, окружённого невысокими холмами. Это была частная территория, дорога была перекрыта, чужие сюда не попадали. На песке у моря стоял светло-голубой деревянный домик. Вид был уютный, атмосфера — жуткая. Дрейтон велел Ли Вэю оставить Чёрную свечу, которую тот носил с собой для самозащиты, на заднем сиденье, а потом сказал:

— Теперь только спутник сможет увидеть, что мы тут делаем.

К чёрту спутник.

Ли Вэй беспомощно вцепился в по-прежнему не расстёгнутый ремень безопасности и не шевелился. Дрейтон окинул его взглядом с головы до ног и спросил:

— У тебя рука по-прежнему не зажила. Не больно так сидеть?

Ли Вэй покачал головой.

Дрейтон распахнул дверь шире:

— Выходи. Пока что я тебя приглашаю, господин Ли Вэй.

Пока что приглашает, а дальше, очевидно, уже не факт.

По рукам Ли Вэя побежали мурашки. Он сполз из машины на землю, будто желая слиться с сиденьем в одно целое. За всё это время не проронил ни слова, словно внезапно онемел.

Он почти незаметно попятился назад, а Дрейтон сам сделал шаг вперёд, взял Ли Вэя за руку и сказал:

— Дай посмотреть на бинт на левой руке. Кажется, в доме есть аптечка. Пойдём.

Не особенно применяя силу, Дрейтон повёл Ли Вэя в маленький домик у моря. Он открыл дверь ключом. У окна зазвенела ветровая подвеска, старый тёмно-коричневый пол заскрипел. Аптечка стояла на журнальном столике в гостиной. Вымыв руки, Дрейтон подошёл к ней, достал йод, мазь и бинты, и, не оборачиваясь, сказал:

— Подойди. Сядь передо мной.

Ли Вэй попытался его отговорить:

— Рана уже почти зажила...

Дрейтон понизил голос:

— Не хочу повторять приказ второй раз.

Ли Вэй на мгновение замер, а потом демонстративно, нарочито громко вздохнул, выражая недовольство именно таким способом. Неохотно приблизился, сел на край дивана. Дрейтон закатал ему рукав, и его пальцы, лёгкие как перо, скользнули по чувствительной, совершенно целой коже на внутренней стороне предплечья.

Мышцы на спине у Ли Вэя сразу напряглись, но он нарочно заставил себя расслабиться.

Дрейтон осторожно размотал бинт, сначала проверил саму рану и, убедившись, что признаков инфекции нет, аккуратно обработал кожу вокруг йодом, потом наложил стерильную повязку.

Во время всей этой процедуры он старался по возможности избегать лишних прикосновений, но Ли Вэй всё равно был натянут как струна. Когда Дрейтон закончил последний шаг, он наконец выдохнул и попытался вытянуть из его рук собственную ладонь, уже одеревеневшую от напряжения.

Но в тот самый момент, когда его пальцы едва шевельнулись, Дрейтон ловко перехватил

кончики его пальцев.

— Не двигайся пока. У тебя есть ещё какие-нибудь раны?

— Нет.

Ли Вэй поклялся бы чем угодно, но Дрейтон, похоже, ему не поверил. Не говоря ни слова, он потянулся к вороту его рубашки и начал расстёгивать пуговицы. У Ли Вэя в голове загудело. Он прижал его руку своей правой ладонью и спросил:

— Что ты делаешь?

Дрейтон поднял на него глаза. В его глазах, холодных как ледник, смешались забота, испытующий интерес и что-то ещё, не поддающееся простому определению.

Ли Вэй чуть сильнее надавил, но так и не смог убрать его руку. Настоящую ссору он тоже затевать не хотел, поэтому смягчил тон и даже добавил уважительное обращение:

— Господин начальник?

И почему-то именно это сработало наоборот. Услышав такое, Дрейтон ещё сильнее подался вперёд, одной рукой опёрся на диван рядом с бедром Ли Вэя и спросил:

— Кого ты встретил в храме? И что ты собирался делать после того, как вышел оттуда, если бы я не пришёл за тобой?

О господи.

Когда-нибудь Ли Вэй всё равно должен был поговорить с Дрейтоном о Райнере Ливиусе. Но точно не в такой обстановке. Во-первых, он сам ещё не был морально к этому готов — и, возможно, не будет никогда. Иначе говоря, он просто избегал этого разговора. Во-вторых, тут сразу всплывала вторая часть вопроса Дрейтона:

Проклятие, их отношения и даже то, что сейчас между ними происходило, а объяснить это было трудно.

— Я не хочу об этом говорить, — жёстко сказал Ли Вэй, скрестив руки на груди.

Но на деле в его отказе было не столько решительное неприятие, сколько упрямство и обида.

Уловил ли это Дрейтон — неизвестно.

Молодой начальник своим обычным спокойным, собранным голосом сказал:

— Тогда сначала я просто тебя осмотрю. Всё равно из двух серьёзных дел тебе придётся выбрать одно. Раздевайся, господин Ли Вэй. Нам потом ещё нужно будет принять душ.

— ...?

Ли Вэй ошеломлённо уставился на него. Дрейтон приподнял брови:

— В чём проблема? Ты не заметил, что последние несколько дней валялся в песке? Даже Тобчице нас обоих.

Это была правда.

Рубашку Ли Вэй сменил только вчера, а сегодня она уже успела пропитаться потом и стать жёсткой. Воротник, манжеты, карманы, каждый шов — всё было набито песком. Некоторое время он пытался переспорить Дрейтона одним взглядом, но тот не собирался уступать. И в итоге Ли Вэй, растёгивая пуговицы, мог только уговаривать себя:

Душ — это нормальное занятие. А до душа принято раздеваться.

Когда он задрал край рубашки, мелкий песок посыпался вниз по раскалённой от солнца коже. Ли Вэй чуть заметно вздрогнул и на миг прикрыл тканью лицо.

Дрейтон, стоя рядом на одном колене, молча и терпеливо наблюдал, как Ли Вэй медленно сворачивает одежду в комок и убирает её в корзину для белья. Сам он в это время лениво, движение за движением, развязывал галстук на шее.

К тому моменту, когда он наконец снял галстук и бросил его на диван, на верхней половине тела Ли Вэя не осталось ничего, кроме тонкой латунной цепочки. Подвеска лежала у него на груди и поднималась и опускалась в такт дыханию, а холодный металл стремительно нагревался от всё более горячей кожи.

Нагота сама по себе вызывает стыд. Но ещё стыднее — сидеть обнажённым перед человеком, который всё ещё аккуратно одет с головы до ног. Ли Вэй стиснул зубы и машинально попытался сжать руку в кулак. Дрейтон вовремя потянулся и осторожно разжал его пальцы, только что перевязанные заново.

— Расслабься, — мягко сказал он, не убирая руку, по-прежнему держа Ли Вэя за пальцы. — Дай мне на тебя посмотреть.

На что там вообще смотреть?

Ли Вэй скованно откинулся на спинку дивана, пытаясь вернуть ту непринуждённость, с которой обычно держался перед другими. Если он не будет воспринимать всерьёз ни Дрейтона, ни самого себя, тогда голый торс и всё остальное вообще не имеет значения.

Но Дрейтон — не «другие».

Тепло, которое всё это время скрывалось где-то внутри тела, начало подниматься наружу. Щёки Ли Вэя налились кровью, вскоре он весь покрылся потом. Взгляд Дрейтона сначала скользил по его телу, как нож по маслу, вызывая у него острое, почти болезненное чувство, будто кожу трут наждаком.

Но быстро Ли Вэй заметил, что в глазах Дрейтона нет ни капли того, от чего обычно становится противно... это трудно объяснить.

Когда люди смотрят на обнажённое чужое тело, в их глазах часто появляется или лицемерное презрение, или снисходительное любопытство, или плохо скрытая пошлость желания. Ли Вэй привык замечать все эти три вещи — например, на лицах случайных посетителей в барах, когда те смотрели на кого-то постороннего. Если бы Дрейтон сейчас смотрел на него так же, это было бы настоящим крахом иллюзий. Но нет.

Ли Вэй видел, что Дрейтон сдерживается. Именно это делало его внешне невозмутимым. Дыхания почти не было слышно. Спустя несколько секунд он спросил:

— Как ты думаешь, что сейчас произойдёт дальше?

— ...

Ли Вэй уставился на маленькое пятно тени на полу.

— Не знаю.

— Знаешь, — уверенно поправил его Дрейтон. — Второй вопрос: как ты понимаешь смысл того, что сейчас произойдёт?

Ли Вэй слышал, как его собственное дыхание становится всё резче и быстрее. В груди и лёгких разливалась жгучая боль.

— Я не знаю, — с нажимом повторил он, опустив голову и настороженно закрываясь.

Дрейтон, кажется, едва заметно вздохнул:

— Хорошо. Ты не знаешь. Но если я велю тебе раздеться, ты просто раздеваешься?

Это же ты сам велел мне слушаться приказов.

Ли Вэю хотелось рассмеяться, но губы дёрнулись, а звука так и не получилось. Он что-то невнятно пробормотал в ответ, а потом резко развернулся, ухватился указательным пальцем за полуоткрытый ворот Дрейтона и дёрнул вниз, до самой груди.

— Если собираешься трахнуть, так трахай уже, — грубо сказал он. — К чему весь этот цирк?

Дрейтон, застигнутый врасплох, резко качнулся вперёд и едва успел упереться рукой в диванную подушку, чтобы не рухнуть прямо на Ли Вэя. Ли Вэй приподнялся и поцеловал его в щёку, а затем с какой-то странной, отчаянной решимостью положил руку ему на ремень.

Дрейтон, удерживая себя на весу, сверху вниз смотрел на его движения, и на лице у него всё отчётливее проступал гнев:

— Давай уточним ещё раз, господин Ли Вэй. Ты понимаешь, что именно мы собираемся делать дальше, верно?

— А что ещё? — Ли Вэй откинулся на диван и провёл носком туфли по его голени. — Мне уже почти девять лет как есть восемнадцать, и я не идиот. Не волнуйся, если ты меня трахнешь, это не будет преступлением.

Дрейтон одним движением перехватил его беспокойную руку — с ногой уже ничего не поделаешь, пришлось оставить как есть.

— Это не главное. Главное в том, что я хочу делать с тобой такие вещи, потому что люблю тебя. Я люблю тебя вне всякой связи с проклятием, работой, твоим полом, профессией, способностями или характером. Сейчас проклятия больше нет, и я могу с полной уверенностью сказать: я всё равно люблю тебя. Я хочу быть с тобой. Хочу провести с тобой всю жизнь.

— Но ты меня любишь, господин Ли Вэй?

Ли Вэй застыл под его взглядом.

— Сначала мне казалось, что я уже получил отрицательный ответ, — сказал Дрейтон. — Ты никак не отреагировал на моё признание, и я почти решил, что нужно оставить это. Но потом, как какой-нибудь самонадеянный мальчишка, начал убеждать себя: «Может быть, просто момент был неподходящий». Я решил попробовать снова, хотя ты, кажется, вовсе не собирался давать мне шанс. И всё же, когда мы приехали в этот домик у моря, ты согласился лечь со мной в постель.

Он усмехнулся — в этой усмешке было больше самоиронии, чем веселья — и тихо пробормотал:

— Tu es une énigme.

— Ты загадка.

Ли Вэй облизнул пересохшие губы, и глаза у него зашипало.

Кадык у Дрейтона тоже дрогнул. Но он всё так же спокойно добавил:

— А я похож на насильника.

Он, призвав на помощь всю свою силу воли, попытался подняться с дивана, словно хотел оставить обоим хоть какой-то путь к отступлению.

— В любом случае, возможно, я всё неправильно понял. Прошу прощения. Надеюсь, мои чувства не доставили тебе неудобств...

Ли Вэй вытянул ногу и зацепил его под колено. Дрейтон, который уже почти встал, снова рухнул на колени:

— ?

В следующую секунду Ли Вэй сам приподнялся, обвил его руками за шею и поцеловал в губы. Поясница Дрейтона невольно подалась вниз, их груди плотно прижались друг к другу, а между ними осталась зажатой латунная подвеска.

Спустя долгое время Ли Вэй, с растрёпанными волосами и весь в жару, отпустил его, снова рухнул на подушки и, отвернув голову, выдохнул:

— Ты не насильник. Думаю, нам всё-таки стоит продолжить.

— ...Вот как? — на лице Дрейтона мелькнуло что-то трудноуловимое. — И как же ты тогда сам понимаешь наши отношения?

Ли Вэй устался на него:

— Обязательно нужно, чтобы я сказал это настолько прямо? Я вообще-то уже разделся.

— Брюки ты ещё не снял.

Ли Вэй разозлился, дёрнул и без того расслабленный ремень, в несколько движений стянул брюки и отшвырнул их на пол, а потом бросил на Дрейтона вызывающий взгляд.

Глаза у него по-прежнему были чуть красными. Дрейтон уже давно заметил, что Ли Вэй, похоже, плакал — скорее всего, ещё в храме. Но сейчас это уже не было особенно важно. Настроение у Ли Вэя заметно улучшилось, и это легко читалось по ожившему блеску глаз. На

густых ресницах у него дрожали крошечные капли.

Импульс, похожий на электрический разряд, пробежал по позвоночнику Дрейтона.

— Я люблю тебя, — сказал он в третий раз. — Но если сегодня я не услышу от тебя этих слов, то потом у нас будет война. И обещаю тебе, господин Ли Вэй, я всё равно заставлю тебя их произнести.

Обнажённый молодой человек перед ним с виду покорно ответил:

— Жду с нетерпением.

С этими словами он развернулся и ушёл в ванную.

<http://bllate.org/book/17014/1725135>